

Алексей АРБУЗОВ

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Замечательному советскому драматургу Алексею Николаевичу Арбузову в эти дни исполнилось бы 80 лет. Весной 1943 года Молодежный фронтовой театр под руководством Арбузова выехал в действующую армию. После выступлений в Брянских лесах коллегам уговорил Арбузова вернуться в Москву — писать очень нужную новую пьесу (впоследствии названную «Домин на окраине»).

Публикуемое сегодня с небольшими сокращениями письмо Алексея Николаевича адресовано — для чтения всему коллективу — актрисе студии Анне Никифоровне Богачевой (тогда — его жене), любезно предоставившей письмо для публикации в «Литературной газете».

ЖМУ ВАМ руку, друзья! Знаю о всех ваших горестях. Вам пришлось провести трудную первую неделю. И не так, конечно, мы мечтали с вами приехать на фронт. Ежедневно навещая дирекцию фронтовых театров, ежедневно приходил я в ярость при виде все еще не отправленного оформления.

Неудачи с первыми концертами не должны были смутить Вас, и я уверен, что в спектаклях вы работали хорошо. Вы это можете, когда хотите этого все вместе — всей студией.

Но не успокаивайтесь на сделанном — раз от раза улучшайте вашу работу в спектаклях — у вас идеальный зритель — не случайно, не от скуки на огонек пришел он к вам — он заслужил больше того, что вы можете ему дать, и вы должны дать больше, чем можете. Находясь на сцене, не поддавайтесь

чувствам усталости и безразличия, которые могут возникнуть от частых выступлений, подумайте в такую минуту, что эти люди вынесли и что им предстоит впереди. От вас в эти короткие часы зависит принести радость и долгую о себе память людям, которые сражаются за наше счастье.

Пусть же эта радость будет полной, пусть будут вас вспоминать не лишом — ради этого вы приехали сюда.

Помните, что для некоторых зрителей вы первый театр в их жизни, а для некоторых вы их последний театр.

Это страшно звучит — но это истина. Как же вам надо работать на сцене, какую силу надо вам иметь, чтобы честно и талантливо ответить на это! Мне кажется, что если Вы это поймете и постараетесь отдать все, что имеете в душе своей, — вы станете большими актерами.

Для того, чтобы стать настоящим мастером искусства, надо найти в себе величие, а можете ли вы не попытаться сделать это, оставаясь на сцене один на один с таким зрительным залом, бесстрашие и слава которого признаны сейчас всем миром! Сила таланта это не только техника и профессиональное умение — это прежде всего величие души — стало быть, надо привыкнуть быть лучшим самого себя — так рождается мастер, не подверженный смерти.

Вы обязаны вернуться в Москву лучшими, мы должны увидеть, на что способен каждый, когда он отдает больше

того, что имеет, — все вы должны в этом помогать друг другу — советом, заботой, дружбой — помогать настойчиво и любовно.

Что такое театр! Это такое учреждение, где я силен тем, что хорошо играю Марлоу. Что такое студия! Это такое учреждение, где я силен тем, что Милочка¹ хорошо играет Сюлли. В чем же состоит моя задача как студийца! В том, чтобы максимально помочь Милочке в ее работе, и тогда аплодисменты зрительного зала, адресованные ей, я буду иметь право переадресовать себе. В этом и есть высшая радость работы на театре.

Идея студии может стать личным интересом каждого — вот тогда и возникает подлинная гармония в вопросе «я и студия», вот тогда и возникают в душе чувства, которые формируют истинного художника, — честность, благородство, великодушие. Вот такой театр и может соответствовать идеям нашего времени... Вот такой актер и выразит чаяния народа. А без этого он просто обезьяна, может быть, и талантливая, но обезьяна. <...>

В Москве на прошлой неделе происходило Всесоюзное совещание по драматургии. Присутствовали все. Это очень точное определение. Вот именно все. Вожди советского театра — его, так сказать, гордость и краса. Ораторы блистали красноречием. В сто первый раз были провозглашены величайшие истины. Были и очень интересные выступления, но в основном — кланялись, проклинали, расшаркивались, отдавали должное. Какое тонкое остроумие, какое изящество языка. Блестящие седины, звания, ордена. Черт побери — но где же пьесы! Где поставленные спектакли, о которых бы с благодарностью вспоминали! Почему их нет! Почему люди так подозрительно говорливы на трибуне и так подозрительно молчаливы в искусстве!

Послушаем ораторов. Популярный постановщик О.: «Дайте мне пьесу! Дайте! И я покажу, на что я способен» (взрыв аплодисментов). Бойкий драматург Ф.: «Пьесы-то есть, но вот актеры окончательно разучились играть — лень,

самодовольство, невежество...» (взрыв аплодисментов). Нервный критик Ю.: «Покажите мне театр, где бы режиссура создала подлинно оригинальный спектакль. Искусство режиссера — вымирающее искусство» (взрыв аплодисментов).

Итак, «нет пьес, а то бы я показал» — однако — искусство режиссера вымирает, к тому же «актеры окончательно разучились играть». И всем этим трем утверждениям краса и гордость советского театра равно аплодирует. После этого все бодро шагают в столовую «Литер А», а иногородним в комнату № 17 выдают папиросы «Элита» [...]

Но это, так сказать, на трибуне, а вот что люди говорят в кулуарах! Послушаем, что они говорят мне — режиссеры, считающие меня драматургом, драматурги, считающие меня режиссером, и актеры, считающие меня директором.

Красивый и тонкий режиссер З.: «Послушайте, дался вам этот Плучек!.. Ну зачем он вам... [З. не в курсе событий]. Но коллективная пьеса — это очень интересно... Приезжайте в Алма-Ату — я собрал чудесных актеров... Попробуйте с ними создать коллективную пьесу!»

Я. Но каждый из ваших чудесных актеров захочет играть в ней главную роль. Нет — не выйдет с ними коллективной пьесы.

З. Хм... Вы думаете... Возможно [окончательно потеряв веру]. А может быть, все-таки выйдет!..

ВТОРОЙ РАЗГОВОР

Актриса К. Ужасно! Работаю в самом отвратительном театре, который только можно себе представить...

Я. Где же это! К. В Московском Художественном... Я. Почему Вы его так ругаете! К. Там такая атмосфера... Такая атмосфера... Нет, вы ничего не понимаете... и все равно не дадут роли...

Я. Но почему же вы работаете в отвратительном театре!

К. Потому что... Мне надо было уйти из студии Станиславского... Я так радовалась, когда ушла... Это мертвое дело... Там же ничего не осталось...

Я. Что же вы думаете делать дальше! К. Думая пойти к Попову... Говорят, там хорошо.

ТРЕТИЙ РАЗГОВОР

Талантливый и нервный режиссер П. (неодобрительно). Ну как — все возмещается с вашей студией!

Я. (виновато). Да... П. (нервно). Бросьте — ничего не выйдет. Сейчас не такое время.

Я. А вдруг. П. (подозрительно). Верите... Хм... [на следующий день]. Вот кончится война, уйду я из своего театра и организую студию из молодежи.

Я. (испуганно). Почему! П. Эх... [многозначительно качает головой]. У меня в труппе сто человек артистов и только трое — трое — любят театр больше, чем столовую при театре. Трое — даю честное слово.

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗГОВОР

Когда-то знаменитый драматург Б. Р. Что вы будете ставить в студии! Я. «Жестокий романс» Гладкова, «Зимнюю сказку» Гинзбурга и мою новую пьесу... А из классики «Чайку».

Б. Р. Вот вы и будете ставить «Чайку». А первые три пьесы вы для отвода глаз назвали, [хитро] знаем мы вас, художественных руководителей.

Я. Нет — «Чайку» мы поставим потом...

Б. Р. [после долгой паузы. Поразмыслив]. А это вы здорово придумали со студией...

Я. Что именно! Б. Р. Если другие театры вашу пьесу не примут. Ее всегда можно поставить в студии. [Хитро]. знаем мы вас, художественных руководителей.

ПЯТЫЙ РАЗГОВОР

Популярный артист П. (решительно). Мой режиссер Г. дурак — у него ничего не выйдет... Зовут меня к Завадскому, зовут к Берсеневу, даже в МХАТ зовут...

Я. Куда же вы решили идти! П. Пока останусь у Г.

Я. (неуверенно). Но ведь он же дурак! П. А вдруг там еще хуже будет!

ШЕСТОЙ РАЗГОВОР

Толстый брюнет, деятель комитета М.

В Плучек к этому времени стал художественным руководителем Театра Северного флота.

Ну что ты возишься со своими мальчишками-девочками!! Из этого же ничего не выйдет...

Я. Но ведь Москвин и Книппер тоже были когда-то молодыми...

М. А! Это же совсем другое дело... Надо пригласить в театр хороших, опытных артистов — тогда у тебя будут интересные спектакли.

Я. Но ведь есть же в других театрах хорошие артисты — почему же езде такие плохие спектакли!

М. [безмолвствует]. И вот после вечернего заседания я иду пешком по Фрунзенской набережной. И чувство одиночества переполняет мое сердце, и я думаю о том, что, если не будет студии, я уже ничего, вероятно, не смогу написать для театра, и мне придется попробовать писать прозу. Вероятно, это интересно, думаю я, вероятно, это очень интересно — писать прозу.

Темнеет. В небе ни облачка — но сотни колбас³. В парке культуры музыка, и мне очень грустно. Я думаю о вас, мои друзья. Я стараюсь вспомнить — какие вы. И я вспоминаю <...>, и я люблю вас и верю, что, если захотим, мы одолеем судьбу. <...>

Я подхожу к дому и не чувствую себя одиноким, и мне не хочется почему-то писать прозу. И мне делается жаль тех, кто сегодня с таким настойчивым азартом ругал дом, в котором он живет и работает, с такой легкостью осыпал бранью своих друзей.

Не уподобимся им и, черт возьми, будем патриотами. Мы имеем на это право. И главным образом не ввиду нашего прошлого, а ввиду нашего будущего. А оно у нас есть. Если мы захотим.

Правда, у нас еще очень мало порядка, но вспомним французов: «Да, я не люблю беспорядка, но меня раздражают те, кто кричат: «Будем сидеть не шевелясь», тогда как никто еще не занял своего места».

Вот почему я команду — Все по местам!

А. АРБУЗОВ. Утро 1 июня 43 г. Москва.

¹ «Колбасы» — так во время войны москвичи называли надутые аэростаты воздушного заграждения.

¹ Актриса Л. Нимвицкая.

² В Плучек к этому времени стал художественным руководителем Театра Северного флота.

³ «Колбасы» — так во время войны москвичи называли надутые аэростаты воздушного заграждения.